– Право, прошу прощения, Витольд Львович, что так произошло, – Галахов выглядел растерянным и смущенным, – аховмедцы переусердствовали, охраняя мою жизнь.

– Вашу жизнь? – Меркулов убрал предоставленный ему платок от разбитой губы.

– Достопочтенный Маар То Кин и Его Высочество считают, что есть некто, кто может серьезнейшим образом навредить мне.

– Мы не просто считаем, а видели этого мерзавца. Он убил Лого… Рее Ол Дейна.

– Можете не таиться, Витольд Львович в курсе того, кем был Рее Ол Дейн. Не смотрите на меня, вы же не пришли сразу и не объяснили, в чем дело. Тогда бы я был нем, как рыба.

– Буду признателен, если вы и сейчас перестанете говорить загадками, – заметил Витольд Львович.

В квартире профессора наступило такое молчание, что Мих даже услышал, как прочие козлоногие, которых выпроводили наружу (иначе всем тут никак не разместиться), цокают копытами по дощатому полу подъездной площадки.

– Видите ли в чем дело, – сказал наконец Галахов, мельком взглянув на Маар То Кина, – после казни сына я был в очень подавленном состоянии. В Моршане меня ничего не держало, а тут как раз один из знакомых сказал, что Матарский королевский университет ищет специалиста по славийскому языку и истории. Похлопотали изрядно, сами понимаете, на каком положении я был после заговора, но спустя месяц я уже был в Аховмедии. Удивительная страна, скажу я вам, к примеру брать хотя бы их отношение к…

– Виталий Арсеньевич, если вас не затруднит… – вмешался Витольд Львович.

– Да, простите. Через некоторое время ко мне стали обращаться из высочайшей свиты Его Величества. По большей части они интересовались бытом и обычаями Славии. Тогда наши страны впервые за долгое время стали сближаться. Нет, не подумайте, я не говорил ничего такого, что могло навредить Славии. Чем дольше я оставался в Матаре, тем больше узнавал об Аховмедии, и тем теснее общался с разными людьми. Прошу прощения, прочими.

– Судя по всему, вы там на каком-то особом положении, – заметил Меркулов.

– Он тиир кан, – заметил пожилой аховмедец, долгое время сидевший молча.

– Мудрый старик, – перевел Галахов. – Довольно интересное звание, хотя это, скорее, неофициальное прозвище. Когда-нибудь я обязательно расскажу…

– Когда-нибудь обязательно, – с нажимом сказал Меркулов.

– Через пять лет я вернулся, опять стал преподавать. Постепенно общение с аховмедцами сошло на нет. Поэтому я совсем не удивился, когда делегация во главе с Его Высочеством, прибыв в Моршан, не искала со мной встречи.

– Если тебя назвали тиир кан, то ты будешь им всю жизнь, – заметил Маар То Кин, – мы просто не хотели компрометировать Виталия Арсеньевича.

– Потом произошло убийство аховмедца, спустя несколько дней пришли вы с этим изображением, что увидели на теле мертвого. Я посчитал, что не будет дурным объяснить вам

его обозначение. И все. А сегодняшним днем это досадное происшествие…

– Какое происшествие? – Встрепенулся Витольд Львович.

– Я, признаться, толком ничего не понял. Послышался шум, когда я выглянул, никого уже не было. Позже явился Маар То Кин с подопечными. Он сказал, что моей жизни угрожает опасность. Некто пытался проникнуть ко мне, и аховмедцам надлежит некоторое время охранять меня. Право, какая-то чушь.

Орчук был согласен с Галаховым, вздор полнейший. И так едва поспевал за слишком быстрым разговором – Галахов, отец предателя и сам оказывается на короткой ноге с козлоногими. Но это ладно. Теперь и его некто убить пытается, мало им своего душегубца, теперь что еще, за профессорским гоняться изволите? Вот только Меркулов в лице изменился, весь побледнел, да точно в пружину сжался.

– Простите меня, Виталий Арсеньевич, – чуть ли не заикаясь произнес титулярный советник.

– Ну что вы, Витольд Львович, это вы меня простите. Пришли ко мне в гости, а тут вам еще бока намяли. Кстати, если не секрет, по какому вопросу пожаловали? Вы ведь не просто так к старику чай попить зашли?

– Не просто так. И по всей видимости, именно я спровоцировал покушение на вашу жизнь.

– Какое покушение? – Галахов завертел головой: на Маар То Кина, на Меркулова, на Миха, снова на аховмедца. – Объясните хоть что-нибудь!

– Хорошо. Сегодня я неосторожно обронил в обер-полицмейстерстве, что мне необходимо навестить вас, Виталий Арсеньевич. Обмолвился, совершенно не подумавши о последствиях и о том, что это могут услышать не те уши… – Витольд Львович замолчал и вдруг повернулся к козлоногому. – Достопочтенный Маар То Кин, у меня к вам предложение о сотрудничестве.

Аховмедец и бровью не повел, будто сказанное его не касалось.

– Я знаю, что Виталию Арсеньевичу пытался навредить тот же самый субьект, что и убил Логофета. Ростом ниже меня, весь в черном.

Даже Мих заметил, что Маар То Кин стал реже дышать, а лицо его слегка исказилось. Но Меркулов и не думал выжидать, пытаясь склонить аховмедца путем душевных терзаний, он продолжал говорить.

– Знаю, что смерть Логофета связана со святыней, только из-за которой вы согласились на неравный мир с дрежинцами.

Маар То Кин с силой сдавил кресло в котором сидел, копыто против воли стало постукивать по полу. Вряд ли козлоногий что хотел передать, скорее, не мог себя держать в узде. Орчук про себя даже усмехнулся, а хорошо бы этих прочих, так похожих на животных, по-настоящему в узде держать.

– Знаю даже, кто пообещал вам святыню, но не сдержал слово. Брат Императора, великий князь.

Теперь Миху даже жалко аховмедца стало. Напоминал он шулера, севшего играть в полной уверенности, что уйдет домой с набитыми карманами, но попавшего на более искусного

игрока.

– И я клянусь, что сделаю все, чтобы вернуть святыню и передать ее вам. Это дело даже не личных интересов, а государственной важности. Но и вы должны мне помочь. Расскажите, что вы видели сегодня.

Орчук головой покачал. На что им события сегодняшние ворошить? Даже он понял, Черный сюда прибывал не с добрыми намерениями, а старика укокошить. Как и зачем? Так Витольд Львович сам признался, имел неосторожность сказать, что к Галахову отправится. Вот искариот, кем бы он ни был, и послал Черного вперед их. Теперь бы взять да козлоногого сразу о святыне спросить. Чего вокруг да около ходить? Тем паче вон, рот открыл, отвечает.

– Мы всегда в ответе за своих людей. Вернее, вы нас за людей не считаете. Как вы говорите, прочие? Так вот, когда убили Ло… Рее Ол Дейна, ко всем высокопоставленным чинам была приставлена охрана. Включая Виталия Арсеньевича. Не смотрите так, он тиир кан. Мы не могли допустить, чтобы из-за нас его жизни или здоровью угрожала опасность.

– Когда мы приходили в университет, ваш человек уже был там?

– Да, снаружи. И вас заметил. Он просил милостыню снаружи, копыта специально тряпками замотал, а сам робу накинул, будто из нищих паломников. И за домом всегда смотрели, чтобы не дай Рогатый, – Маар То Кин вдруг осекся и, как маленький мальчик, ударил себя по губам, будто сказал нечто непотребное, – чтобы не дай Бог что не произошло. И вот сегодня, прямо посреди дня, Таал Ки Ри заметил человека в черном, который совершенно не таясь, направился к дому Виталия Арсеньевича. Ему пришлось вступать в бой.

– И он одолел Черного? – Изумился Витольд Львович.

– Не совсем, – уклончиво отозвался Маар То Ки, – но он спугнул убийцу. После этого отправил сообщение мне, и я прибыл сюда со своими людьми.

– То есть, решительно ничего нового мы не узнали, – подытожил Меркулов, – думаю, вам и нам, соответственно, повезло в том, что Черный был до того ранен. Иначе ни Таал Ки Ри, ни профессор бы ничего не рассказали.

Пожилой аховмедец собрался возмутиться, но Витольд Львович уже перебил его.

– Маар То Кин, скажите, что представляет собой святыня?

– Я, – аховмедец замялся. Было видно, что ему в высшей степени неудобно, – я… признаться, не ведаю.

– Как такое возможно?

– Все аховмедцы знают, что мы прибыли сюда за святыней. Но никто не представляет, как она выглядит. Только двое были посвящены в тайну, Его Высочество и Логофет.

– Лица первого круга, – задумчиво пробормотал профессор, – это нечто необычайно ценное, если информация охраняется подобным образом.

– И не такие разгадки разгадывали, – Меркулов не выглядел растерянным, – Виталий Арсеньевич, если вас не затруднит, дайте листок бумаги и перо, я изложу по какому вопросу к вам приехал.

– Конечно, конечно, – Галахов, не смотря на свои преклонные года, легко вскочил, бросился к письменному столу и достал бумагу, стальное перо и чернильницу. – Пожалуйста. Позвольте полюбопытствовать, – стал он смотреть, как Меркулов быстро набрасывает слова, – что это?

– Как вы знаете, – стал медленно отвечать Витольд Львович, не оставляя письма, – из Императорского музея были похищены экспонаты. Их нашли, большую часть даже перевезли, но случился пожар, и остальная часть была якобы уничтожена. Точнее, некоторые экспонаты действительно были уничтожены, но один, ради которого все это затевалось, по моему мнению, попросту забрали оттуда.

– Да вы Приклонский, а не Меркулов, – с восхищением посмотрел на список профессор, – все это запомнили.

– Для этого не обязательно иметь отличительную память, – улыбнулся Витольд Львович, – существуют различные техники. Я лишь сопоставил два списка и запомнил то, чего не было во втором. Итак, господа, всего одиннадцать позиций: нащитная бляха в виде фигуры медведя, золотая монета скифов, статуэтка женщины из брозы Беллиронита, чаша Эльриты, Перо-вольница, мощи (копыто) умертвленного короля Пеел Ти Майла, глиняная табличка с низовьев Аракета, гоблинарский церемониальный жезл IX века, каменный нож с зазубринами, эллиитский наконечник и охотничий рог Его Величества Михаила Васильевича.

– Позвольте, – тут же выхватил профессор листок, как только Меркулов закончил читать, – очень занятный список, хотя и несуразный какой-то.

– Может, вам что показалось страным? – обратился к козлоногому титулярный советник.

– Не может среди этого хлама быть святыни, – брезгливо отозвался Маар То Кин, – статуэтки, монеты, жезлы. Пустяки. А уж про проклятого Пеел Ти Майла я вообще молчу.

– А что это за Пеел Ти Майл? – Поинтересовался Витольд Львович.

– Майлы – род королей, что были до прихода к власти Вайлов. Закончили они весьма скверно, не то что в безызвестности, скорее даже в хуле. С ними связывают основные военные неудачи аховмедцев.

– Проклятый род, – согласился Маар То Кин, – слабый.

– Вся королевская семья Майлов погибла в решающей битве с объединенными силами дрежинского и славийского государств около четырехсот лет назад. Никто даже не знает, где они похоронены.

– Зачем же тогда нам выставлять какое-то копыто в Императорском музее? Чтобы еще раз позлить аховмедцев? – Спросил Меркулов. – Несколько недальновидно, не находите?

– Славийцы никогда не славились дальновидностью, – усмехнулся Маар То Кин, – как и образованностью. Все знают, что отрубить копыто – давний способ показать свою храбрость перед смертью. Хотели бы унизить, выставили голову с закрытыми глазами. А копыто – это же смешно. Сам Творец аховмедцев, когда в последнем бою его окружили превосходящие силы врагов, лично отрубил себе ногу и, насмехаясь, бросил в мерзавцев. Разве это…

Внезапно Маар То Кин замолчал, испуганно посмотрев сначала на схватившегося за голову профессора, а следом за встрепенувшегося титулярного советника.

– Подождите, подождите, – будто боясь спугнуть собственную догадку, сказал Галахов. Орчук хоть и не понимал, куда все движется, однако проникся общей тревожностью момента, – Императорский музей хранит как реликвию отрубленное копыто Пеел Ти Майла. Зачем?

– Потому что на самом деле это мощи не Пеел Ти Майла, – закончил Меркулов. – А судя по тому, что в информацию о святыне посвящены только лица первого круга, как вы выразились…

– То возможно, это мощи прародителя аховмедцев, – выдохнул профессор. – Самого Рогатого Бога.

– В таком случае, все сходится. Для аховмедцев, – Меркулов сказал это таким тоном, точно Маар То Кина здесь не было и они разговаривали с Галаховым промеж собой, – это действительно очень важная реликвия. Даже если она не обладает какими-то магическими свойствами. Хотя если ее выставили в музее, то вряд ли обладает.

– Но почему ее открыли для всеобщего обозрения, я этого не понимаю? – профессор развел руками.

– Так тут все гораздо проще. Если хочешь что-то хорошо спрятать, оставь это на видном месте. Сколько экспонатов в Императорском музее? И недели не хватит, чтобы все обойти да рассмотреть. Тем более, кому какое дело до части тела какого-то аховмедца, если рядом самые настоящие мумии древних гоблинарцев? Кто не знает, в жизни не подумает, что это копыто Рогатого Бога.

– И что же, получается, реликвия потеряна?

– Нет, она представляет слишком большую ценность. Извините, Маар То Кин, но кто владеет копытом Рогатого Бога, тот владеет влиянием над аховмедцами.

Козлоногий скрипнул зубами, встряхнул седой гривой, но кивнул.

– Вы правы, любая частичка Рогатого Бога имеет для нас великую ценность. А уж копыто, которое он отсек себе перед смертью и в насмешку бросил в сторону врагов… – аховмедец затрясся, то ли как в припадке, то ли как зайдя с лютой стужи в натопленную комнату. Слов не нашел, понял Мих. – Мы пойдем на все, чтобы завладеть этими мощами.

– Вот вам и мотив, – ни к кому не обращаясь, сказал Витольд Львович. – За расположение аховмедцев некоторые могут пойти на открытую конфронтацию. Мне ясно пока одно, святыня в Моршане. В противном случае, те силы, которые стоят за ограблением музея и убийством Логофета, уже бы начали действовать.

– Теперь надо найти черного человека, – кивнул Маар То Кин.

– Нет, реликвия не у него. Он лишь инструмент, помогающий добиваться нужного результата. Признаюсь, инструмент универсальный и весьма сильный. Мне кажется, что копыто Рогатого Бога находится у того, кто помог Черному ограбить музей, а может, действовал и вместе с ним. Скорее всего, последнее, потому что тогда святыня была бы уже у Черного.

– И как нам выйти на этого мерзавца? – Набычившись, спросил Маар То Кин. – Мои ребята разорвут его на месте.

– Оставьте это мне. Думаю, предатель понимает, что удавка затягивается и ему остается не так много времени. От вас требуется лишь охранять Виталия Арсеньевича. Думаю, к завтрашнему

утру все будет уже кончено. На этом позвольте откланяться. За сегодня необходимо еще многое успеть.

Несмотря на протесты Галахова и аховмедца, Меркулов двинулся к двери и уже там, в третий или четвертый раз попрощавшись, вытолкал орчука наружу, а потом вышел и сам. Козлоногие, толпившиеся у двери, расступились, проводили пару, в особенности Миха, неодобрительными взглядами, но препятствий чинить не стали.

Вечереющее небо вкупе с набежавшими хмурыми тучами производило гнетущее ощущение. Будто надвигалось что недоброе, могущее повлиять не только на судьбу одинокого путника, попавшего под проливной дождь, но и всего города. Мих поежился, оглядел улицу со спешащими людьми и повернулся к Меркулову.

– Что, господин, домой поедем? Непогодится вона как, скоро ливанет.

– Поедем, но не домой.

Витольд Львович вскинул руку, но тут же помахал начавшей останавливаться открытой пролетке, мол, проезжай. А вот следующий экипаж, уже полностью закрытый, остановил. С неба как раз первая капля упала, чиркнула по носу орчуку, пощекотала, да плюхнулась на пыльную мостовую. Отерся Мих да внутрь поспешил, пока хозяин извозчику последние наставления давал.

– До Мглинского вокзала. Да мчи так, чтобы за ушами свистело. Быстро довезешь, гривенник сверху получишь. Да что там, пятиалтынный дам.

И сесть не успел, как сорвались с места. Подумал орчук, плохо в такую погоду гнать, самое легкое убиться, но мысль про себя оставил. Лицо господина опять в задумчивость погрузилось, да не в обычную размышляющую, а тревожную, опасливую. Сидит, губы кусает, трость в руках вертит, как оглашенный. На тряску внимания вовсе не обращает, хотя даже Миха из стороны в сторону швыряет на поворотах. Снаружи ванька кричит, ругается на прохожих, порой и встречных извозчиков черным словом награждает. Уж очень хочется ему призовые деньги получить.

Уже и дождь вовсю забарабанил по крыше, совсем холодом пахнуло. И рад бы сказать орчук, что свежестью, так напротив, смочил лихоимец-ливень пыль, понесся над мостовой дух грязи, стоков, нечистот. Если долгий дождь будет, то к утру и правду легче дышать станет, но теперь…

– Господин, к чему мы на Мглинский мчимся? – Спросил орчук, не особо на ответ надеясь.

Но услышал Меркулов. Более того, повернулся к Миху, посмотрел внимательно в глаза и ответил.

– Черного поймать надо.

– Так вы ж говорили, что не собирается он уезжать?

– Он и не думает о таком, а вот Аристов собирается. Даст Бог, успеем до отхода поезда.

Лучше б молчал. Теперь уже совершеннейшим образом непонятно все стало. Причем же тут рыжий дворянин, коли уже с ним все решено, и он общего с их делами более ничего не имеет? А ежели Черного ловить, тот тут надобно через искариота рыскать, так и про последнего еще

ничего не понятно. Качнулся экипаж последний раз, сильно накренясь вперед, да встал. Извозчик, запыхавшись, точно сам заместо лошаденки бежал, крикнул: «Прибыли, Ваше благородие». Пришлось выходить.

Дождь тут же надавал пощечин, нахлестал по шее, макушке, замочил мундир. Витольд Львович рассчитался с довольным извозчиком – тому хоть ливень, хоть град, знай, доволен, деньгу себе заработал. Так еще и в месте прибыльном встал – судя по движению, аккурат только что паровоз подошел дальнего следования, теперь и поторговаться можно, набив десять-двадцать копеек. Мокрый народ обычно гораздо сговорчивее…

– Состав только пришел, – тоже заметил Меркулов, – следовательно, минут сорок у нас еще есть, должны успеть. Идем.

И побежал к зданию, точно студиозус какой несерьезный. Пришлось и Миху по лужам быстро топать. Мглинский вокзал он особенный, непохожий на другие. Орчуку, конечно, нравился больше Столепольский, тот огроменный, крестьянину, что первый раз туда попал, немудрено потеряться. Иных привлекал Таркийский, тот тоже изукрашен, а Мглинский… Посмотришь снаружи: прямых линий, в два этажа, темно-малахитового цвету, сейчас, под дождем еще темнее, словно грязью испачкали. Арки с двух сторон для заезда конных экипажей, но на то разрешение особое нужно иметь. Сверху, посередине, башня с часами. Ну и шпиль над ней высоченный, что издали видно. И все. Ничего особенного. Обычно еще народ на площади толпится перед вокзалом, теперь лишь несколько ванек стоят, мокнут. Пассажиры внутри сгрудились, может, кто переждать решил, да только зря – теперь надолго, поди до самой ночи зарядило.

– Разрешите!

Орчук так рявкнул, что один из городовых чуть за свистком не потянулся. Только потом разглядел мундир, понял, что за фрукт, да кивнул, вроде как приятелю. Не так много времени прошло, а Миха уже каждая собака в ведомстве знала, а если не знала, то слышала. Иной раз получалось, что он именитее своего господина был.

А Меркулов тем временем уже к перрону прорывался. С трудом, общему движению вопреки. Как оказалось, прибыло людей в разы больше, чем на запад решили отправиться. Да и правда, конец лета скоро, все обратно возвращаются. Да и какие на западе развлечения? По старым улицам Галии или Тимиши бродить? Велика радость. Что ж, интересно, сейчас на Таркийском происходит, когда большая часть моршанцев с купален да морей возвращается?

– Мих! – Крикнул Витольд Львович. Пришлось продираться, удавалось это не в пример легче, чем хозяину. – Мих, два паровоза стоят. Ты к тому, который поодаль, иди с того края, а к этому. Ежели найдешь Аристова, скажи, чтобы не отбывал, разговор у меня к нему серьезный есть. И за мной беги.

Орчук все понял, обошел паровоз с правой стороны. Засмотрелся на красавца – эх, кабы родился человеком, пошел бы в машинисты. Видит Господь, сдюжил бы, выучился, зато погляди, вся Славия у тебя под рукой, всю страну посмотришь. А повезет, так еще и дальним следованием в Дрежинию отправишься. Шел, любовался, не забывал, конечно, по сторонам поглядывать. Благо перрон весь укрыт крышей был, народ не торопился. Тем более рыжеволосых легко углядеть в такой толпе, все же Аристовы дворяне приметные.

До самого локомотива добрался. К тому моменту знал уже, что поезд скорый, едет всего лишь до Трубчевска, потому сам понимал, что никаких аристократов нужных ему здесь не встретит.

Из столицы бежать в захудалую провинцию, но в Славию, опять же? Найдут, тем паче, если дело государственной важности. И двух дней не пройдет, как найдут. Это надо не меньше, чем в Тимишу. А еще лучше дальше потом, в малые государства: Пирту или Генерию. Там уж все едино. Только туда уже пересаживаться придется. Придумали ведь иностранные черти сделать дорогу железную уже, с гоблинарцев все пошло, сволочей. А может, и мы им ответили, дескать, не надобно нам ничего, сделаем лучше и почти на ладонь поболее построили. Точно Мих не знал, потому врать не собирался.

Хотел было еще котел повнимательнее осмотреть да с машинистом поболтать (больно словоохотлив стал в последнее время орчук, а Меркулов подобное любопытство только поощрял, мол, через разговор всякие детали можно заметить), но вспомнил о господине и поспешил к первому поезду. Не ровен час Аристов взбеленится да снова начнет магией шалить.

Слава Господу, обошлось. Поумерил пыл Мих, с бега на шаг перешел, когда двух дворян мирно беседующих обнаружил. К слову, оба уже договаривали, а за Павлом Мстиславовичем нетерпеливо переминались с ноги на ногу сыновья. От пламени волосьев рыжих у орчука даже в глазах зарябило. Вот и младшенький тут, что только в возраст магический входить стал, да уже бед успел натворить. Переменился с первой их встречи, тогда кричал, ругался, теперь же тише воды, ниже травы. Не всякий раз глаза поднять пытается. А увидел Миха, и вовсе краской пошел, точно изнутри огня добавилось.

– Михайло, – вместо приветствия кивнул головой Аристов-старший.

Орчук ничего не ответил, но поклонился. Чай спина не переломится, а Павел Мстиславович и так дурного мнения о кочевном брате, нечего лишний раз повод давать сквернословить. Может, и правда задумка Миха сработала, может, попросту серьезный очень разговор был, да только рыжий аристократ вновь повернулся к Меркулову.

– Хорошо. Только мне надо заглянуть прежде домой.

– Отец, – тревожно заговорил кто-то из старших сыновей.

– Я остаюсь, если все пройдет удачно, приеду к вам через неделю. Если нет, то дай вам Господь, хоть когда-нибудь вернуться.

– Пашенька…

Из вагона выскочила темноволосая женщина в платке. Ее лицо было уже в том возрасте, когда почти утратило последний блеск былой, ослепительной красоты. Множественные роды и года сделали свое гнусное дело, но все же Мих не мог отвести от нее взор. Скажи ему, как он видит обычную славийскую женщину, то орчук описал бы ее. Как представлял. И от этого внезапного сходства внутреннего образа с существующей, живой женщиной потомок кочевников вдруг застыл на месте.

– Ну будет, будет, – смущенно гладил прильнувшую к нему жену Аристов, – Меркулов голова, все образуется. Ему больше всего не хочется, как и отцу, опять на восток ссыльным ехать.

Орчук понял, что за этой наносной грубостью Павел Мстиславович старается скрыть свою неуверенность, и от этого ему стало еще более неловко. Мих чувствовал себя здесь лишним, внезапным свидетелем чужого, задушевного разговора, коего никто вообще и слышать не мог. Оттого и Аристов не мог подобрать те слова, которые сказать хотел, а все больше хмурился.

– Дети, вещи заносите. Лидия…, – рыжий дворянин ласково погладил по голове жену и еще раз обнял. – Заходите!

Он насильно оторвался в сторону, даже сделав пару шагов. Неуверенно махнул и, отвернувшись, зашагал в сторону выхода. Меркулов с Михом, не сговариваясь, поклонились жене Аристова, хоть в спешке объяснений не были представлены, и двинулись за Павлом Мстиславовичем. Орчук решил, мысленно с дворянином согласился: долгие проводы, лишние слезы. Он даже несколько удивился поведению аристократа, промеж себя посчитав его суровым домашним тираном, а никак не смущенным любящим мужем.

– А если ваши догадки неверны? – Спросил Аристов уже прежним, слегка развязным тоном, к которому так привык орчук.

– По поводу?

– По поводу Черного. Вдруг он окажется не тем, кем вы думаете.

– Признаться, у меня до сих пор некоторые сомнения по поводу моих догадок. Но у нас есть кое-что в загашнике.

– Ага, моя магия, – фыркнул Аристов, – только не у вас, а у меня.

– Но вы же с нами.

– Только из-за сына, вы знаете. Если все выйдет именно так, как вы говорите, то обвинения не просто будут сняты, некому станет их предъявлять.

– А как же ваши слова, что я могу обращаться к вам по любому поводу?

Наступившая за этим тишина, а следом грянувший хохот обоих аристократов, заставил Миха вздрогнуть. Он так и не понял, что тут было веселого, но дворяне смеялись (сам Меркулов, что ходил вечно мрачнее тучи и редко когда улыбался, заливался как мальчишка) и успокоились лишь только к выходу из вокзала.

– Нахватались вы, Витольд Львович. Страшно думать, что с вами через год в Моршане будет. Такой акулой станете…

– Сегодняшнюю ночь бы пережить, – тихо ответствовал Меркулов.

– Ваша правда, ну, до скорого.

Они попрощались крепким рукопожатием. Так запросто, как ручкаются в конце рабочего дня два конторщика, проработавшие бок о бок более двадцати лет и полностью уверенные, что завтра встретятся. Аристов вышел под дождь, где от него тут же пошел пар, точно выскочил из горячей бани на крепкий морозец, и решительно двинулся в сторону стоявших извозчиков.

Меркулов сначала последовал за ним, но потом завидел знакомого ваньку и лишь махнул ему рукой. Тот улыбнулся, накрепко запомнив денежных пассажиров, и подкатил прямо ко входу.

– Садитесь, Ваше благородие. Садитесь быстрее, не ровен час застудитесь.

– Куда теперь? – Вместо извозчика спросил Мих.

– Теперь домой, – поежившись от налетевшего ветра, уселся Меркулов, – может, еще и поспать

удастся.

– А что же ночью?

– Ночью, Мих, мне будет точно не до сна.

http://tl.rulate.ru/book/9351/187196